

ТАТЪЯНА
УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

*Читайте детективные романы Марии Очаковской,
в которых современность переплетается
с потрясающей исторической линией:*

ПОРТРЕТ С ОДНОЙ НЕИЗВЕСТНОЙ
ЭКСПОНАТ РУКАМИ НЕ ТРОГАТЬ
КНИГА ПРЕДСКАЗАННЫХ СУДЕБ
ПРОКЛЯТИЕ ВИЗАНТИИ И МОНЕТА
ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА
РОКОВОЙ СОН
СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

*Мария
Ораковская*

РОКОВОЙ СОН
СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-94

Оформление серии *А. Старикова*

Очаковская, Мария Анатольевна.

О-94 Роковой сон Спящей красавицы : [роман] /
Мария Очаковская. — Москва : Эксмо,
2019. — 352 с. — (Татьяна Устинова рекомен-
дует).

ISBN 978-5-04-100417-0

В театральном мире и поныне бытует легенда о перстне-талисмани Мариуса Петипа, приносящем успех всякому, кто его носит, но требующем дорогую плату за триумф на сцене... Молодая талантливая балерина Варвара Ливнева, недавно поступившая в труппу Большого театра, слышала когда-то эту легенду, знает о ней и Арина Савинова, искусствовед, сотрудница театрального музея. Первая по-детски наивно верит в могущество волшебного талисмана, для второй он — лишь объект научного исследования и поиска. Но, как бы по-разному ни относились к нему героини книги, обе они не подозревают, чем обернется для них разгадка тайны перстня великого балетмейстера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Очаковская М.А., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100417-0

*Посвящается
Валерию Анатольевичу Кулакову*

Выражаю сердечную благодарность всем,
кто помогал мне в работе над этой книгой.
Отдельная благодарность и земной поклон
Дмитрию Молеву, без помощи
которого эта книга едва ли была бы написана.

Большое спасибо

Сергею Антонову за наглядный рассказ
о фуэте и пируэтах;

Виктору Богаченко за истории
о театральных суевериях;

Андрею Губину за его любовь к балету и
к бабушке, великой русской балерине;

Вячеславу Козлову, Екатерине Аносовой,
Игорю Пальчицкому, Марине Карр-Харрис за то,
что щедро дарили мне свое время, читали,
слушали и советовали;

Олегу Клокову — он сам знает за что.

Спасибо также Ивану Карякину,
Екатерине Трушиной, Андрею Карпуничеву,
Галине Борисовой, Наталье Мурашовой
и Ларисе Капник.

1. Если я умерла...

Удар пришелся по затылку, но не был сильным. Арина вскрикнула от неожиданности, даже не успев почувствовать боли, и рефлекторно подалась вперед. Внезапно пол под ее ногами расступился, и она, долю секунды балансируя на краю, сорвалась и рухнула в бездонную черную пустоту...

Непроглядная тьма сжимала ее, рвала на части, ломала. Рука, плечо, локти, колено, спина, шея... — она уже не чувствовала себя цельным организмом, ее будто разобрали на части, каждая из которых болела по-своему, сливалась в одну сплошную слепящую муку.

«Какая боль, какая нелепость умереть теперь, именно теперь...» — угасающие проблески ее сознания еще мгновение цеплялись за жизнь, пока не увязли в густом тумане небытия...

И ей стало так невесомо, легко, свободно... и холодно. Арина ощутила холод, но своих рук и ног больше не чувствовала. «Значит, я уже умерла? Но ведь этого не может быть, чтоб все так быстро закончилось? Ах, как это, оказывается, хорошо, когда не чувствуешь ни боли, ни тела... наверное, потому, что моя душа летит...»

Впереди вспыхнула белая полоса слепящего света.

Свет вырвал из темноты трепещущий кроваво-красный бархат. Бархатные волны качнулись и расступились, открывая пустое, подавляющее своими размерами пространство — затаившуюся в молчании, свободную от декораций сцену.

В глубокой тишине еле различим звук шагов. Теперь на сцене появляется одинокая фигура сухощавого старичка в черном фраке, легко и грациозно прохаживающегося вдоль рампы. Он делает знак рукой кому-то невидимому. И над зияющей черной пастью оркестровой ямы проносится движение, вспыхивают огоньки над пюпитрами оркестрантов, у центрального пульта мелькает светло-русовая борода и бледный профиль. Дирижерская палочка и руки не видны, лишь белые манжеты взметнулись вверх, но вместо музыки над сценой разносится громкий цокающий стук пуантов.

Старичок поворачивается спиной к залу и снова подает кому-то знак. Из левой кулисы из призрачно-голубой дымки выплывает гигантское зеркало. Его с величайшей осторожностью несут люди в униформе и устанавливают в самом центре. По всему видно, что зеркало это — непростое, особое. Старик смотрит на свое отражение, несколько раз хлопает в ладоши — он доволен. Тотчас на сцену выбегают артисты, в их пестрой веселой толпе мелькают пачки, буфы, шлейфы, перья, все они восторженно аплодируют маэстро.

Но, как только аплодисменты смолкают, раздается дикий треск. Толпа замирает — мерцающую зеркальную гладь разрезает трещина, еле заметная поначалу, она увеличивается, ползет вниз, и из нее серебряными струйками начинает сочиться нечто вязкое... ртуть. Струйки превращаются в ручьи, артисты в ужасе пятятся, еще мгновение — и ртутный водоворот затягивает их и сметает со сцены...

Арина испугалась, вскрикнула: «Нет, это какое-то сумасшествие, бред! Надо сию же минуту проснуться! Продраться сквозь эту вязкую толщу безумия... но как же это сделать, если я умерла...»

2. Похороны в пансионе Сен-Дени

Два года назад

Утро было серым и холодным. Часам к семи все небо заволокло тяжелыми свинцовыми тучами, пошел дождь. Уличный градусник показывал +8°C. Внутри, в часовне пансиона Сен-Дени, там, где стоял гроб, было едва ли теплее, поэтому все собравшиеся страшно мерзли, кутаясь в шарфы и меховые воротники.

Скосив взгляд на лилово-синюю физиономию сотрудника похоронного бюро, месье Мэй, директор пансиона Сен-Дени, зябко поежился.

Похоже, лишь отец Михаил не страдал от холода. Во-первых, потому, что русский — значит, закаленный, а во-вторых, ему, единственному в данных обстоятельствах, было позволено двигаться, что он и делал, стремительно обходя часовню с какой-то дымящейся штукой в руках.

«Что ж, ничего не поделаешь! Такова воля покойной! Мы всё исполнили в точности, не считаясь с тратами. Катафалк, венки, поминальный стол... Даже православного священника пригласили, который, кстати, твердо обещал, что уложится с отпеванием в тридцать минут». И месье Мэй вздохнул.

Поднеся платок к красному, острому, точно клюв, носу, директор деликатно высморкался, посмотрел на часы и перевел взгляд на окно. Глядя, как стекают по стеклу капли воды, он вспомнил о текущей в мансар-

де крыше и неоплаченных счетах кровельщику. Пост директора он занимал всего три месяца и к своим обязанностям относился весьма прилежно.

— Может, включить отопление? — подойдя к нему, поинтересовался меесь Жиро. Жиро работал в Сен-Дени врачом-геронтологом, работал хорошо, хотя для своей должности выглядел слишком молодо и легкомысленно: серьга в ухе, на шее — татуировка.

Директор согласно кивнул:

— Позже непременно. Впрочем, при нынешних обстоятельствах холод не помеха.

— Тогда завтра все наши постояльцы слягут с простудой, — возразил доктор.

Но этих слов Мэй уже не услышал или сделал вид, что не услышал.

Тем временем стоявшие у гроба постояльцы пансионата с уважением поглядывали на отца Михаила и часто крестились. К слову, на отпевание пришли не все постояльцы, а лишь пятеро из них. С другими покойная Эжени, точнее, Евгения Щёголева, отношений не поддерживала: высокомерная была старушка, с характером. Но доктор Жиро относился к ней с большой симпатией. Редко кому в 97 лет удается сохранить ясность ума, чувство юмора и здоровое сердце. Такого он не встречал ни у кого за всю свою практику. Да и умерла-то Эжени вовсе не от старости. Сложись все иначе, кто знает, может, еще бы пожила...

По-своему доктор был даже благодарен русской старушке, потому что если б не ее сердце, то не было бы и его статьи в журнале «Проблемы геронтологии», получившей столько хвалебных отзывов.

Жиро прислушался к голосу священника. Разумеется, он не понимал ни единого слова из того, что тот говорил, но то ли тембр голоса отца Михаила, то ли

сам обряд отпевания как некое священнодействие, тут происходящее, произвели на доктора такое странное впечатление, что он, забыв о холоде, стал вспоминать, когда же сам в последний раз был в церкви. Но вспомнить так и не смог. Потом он вспомнил Эжени, стоящую на коленях перед иконой русской Мадонны.

«Знаете, Пьер, сколько я нагршила за свои сто, все и не отмолишь».

«А ведь не напрасно эти русские так держатся за свои обряды», — подумал Жиро.

Когда мысли его были готовы устремиться в какие-то совсем уж заоблачные дали, входная дверь внезапно распахнулась, и на пороге часовни возник импозантный мужчина средних лет, с тростью, в дорогом кашемировом пальто и шляпе.

От неожиданности Жиро даже ойкнул и тут же ощутил легкий толчок в спину и услышал свистящий шепот директора:

— Вы видели?! Этот Замчински все-таки явился. Какая наглость!

— А что вы хотели, я вас предупреждал, даже предлагал решение...

— Вы опять за свое, Пьер!

Тем временем опоздавший мужчина с выражением скорби на лице (возможно, с хорошо заученным выражением) встал у гроба и осанисто перекрестился. Справедливости ради стоило отметить, что вид у него был почти кинематографический: черное пальто, бледное, уставшее благородное лицо, безукоризненно постриженная, отливающая серебром седая шевелюра.

— Просто Жан Габен какой-то! — фыркнул директор. — Я был уверен, что он не придет, побойтся....

Жиро ядовито усмехнулся:

— Теперь ему уже нечего бояться. Мы с вами упустили момент, когда надо было действовать. Тогда его можно было прижать.

— Бросьте, Пьер, не горячитесь. В вас говорит максимализм молодости. Поверьте, я многое повидал. Такие, как Замчински, непотопляемы!

— При нашем... нет, при вашем попустительстве, разумеется! — чуть громче, чем следовало, ответил Жиро.

Голос его привлек внимание присутствующих, но сам Замчински, тот самый опоздавший господин, даже не обернулся — подобно мраморному изваянию, он застыл у гроба с низко опущенной седой головой. Один вид этой «скульптурной композиции» вызвал у Пьера крайнее раздражение. И раздражен он был не только потому, что Замчински заявился на похороны после всего, что случилось, и не только потому, что не сумел убедить упрямого Мэя вовремя принять меры. В конце концов, Мэй в пансионе — человек новый, многого не знает, не понимает, побаивается... Нет, больше всего Жиро злился на себя, на свою проклятую нерешительность, бездействие, равнодушие. Ведь если на то пошло, то он мог бы один, не спрашивая ни у кого совета, явиться в полицию, рассказать о своих подозрениях. И тогда польский проныра не стоял бы тут, изображая вселенскую скорбь.

Бедная Эжени! Увы, она была не первой...

Лет семь назад, в доме престарелых в Сан-Рафаэле, где Пьер проходил практику, он уже встречал этого полячишку. Тогда тот тоже крутился около одной пациентки, тоже называл себя «другом», а у его «подруги» тоже имелось кое-что за душой. Потом пошли букетики фиалок, шоколад, совместные прогулки, рюмочка куантро в бистро на набережной. По счастью, у той старушки имелись родственники, то есть

внук или правнук, вовремя вернувшийся из-за границы. Он-то и положил конец этой подозрительной дружбе. Замчински тотчас испарился.

Жаль, что тогда Жиро не вникал в детали, история не касалась его напрямую, и он не придавал ей значения.

И вот пару месяцев назад Пьер встретил поляка в Сен-Дени. Случайно, и с трудом узнал его. Замчински сильно поправился, поседел, но это несколько его не портило, напротив, он, как говорится, вошел в возраст, что привнесло в портрет благородства и благообразия. Да, выглядел он по-прежнему великолепно. «Милый друг на пенсии — *Bel Ami en retraite*». Без сомнения, такие умеют к себе расположить, обаяние их конек.

— *Mais il est vraiment douchka, charmant*¹, — говорила Эжени. А когда Жиро попытался ей что-то объяснить, предупредить, то она небрежно отшутилась: — Мы с ним родственные души. Загадочная славянская душа! Вам, французам, ее не понять.

Потом, как-то проходя мимо ее комнаты, доктор услышал их ссору. Оба говорили по-русски, но на повышенных тонах, чересчур резко. И снова Пьер не придавал этому значения. Мелькнула лишь мысль: «Все к лучшему. Сейчас она его выгонит». Жиро так и не понял, ушел поляк или остался, так как комната Эжени имела отдельный выход в парк и любой мог туда зайти и выйти незамеченным.

Какое-то время Замчински в пансионе не появлялся. Но пару недель назад Жиро встретил его снова...

Погруженный в воспоминания, доктор не заметил, как у входа появился катафалк. Сотрудник похорон-

¹ Но он такой очаровательный, настоящий душка (фр.).